

Когда Хэй Тайян со своей ватагой добрался до стрельбища, военные уже ушли, а дети из других деревень успели выгрести все стреляные гильзы подчистую. Глядя на то, как те держат в пригоршнях и за пазухами новенькие, ярко блестящие гильзы, хэйтайяновцы одновременно падали духом и жутко завидовали. В те времена гильзы делали из чистой латуни, тяжелые, золотисто-желтые, они стоили куда дороже нынешних. Многие носили их в качестве украшений, подвешивая к одежде — от постоянного трения те лишь ярче блестели, выглядя ничуть не хуже золота. Одноклассник Хэй Тайяна, Хуан Тянь из десятой бригады, сжалился над ними и дал каждому по гильзе, а заодно палочкой начертил на земле схемку, объяснив, как делать популярные нынче хлопушки. За необходимыми капсюлями он отправился отправить их на скалу за старым стрельбищем, чтобы они сами их повыковыривали. Крутой склон был сплошь и рядом усеян пулевыми отметинами. Вооружившись сухими ветками, мальчишки поддевали ими комья земли у выбоин, стоило углубиться на длину палочки для еды, как они неизменно натывались на капсюли. Накопав целый ворох, они выбирали в основном те, что посильнее погнулись и потрескались, но для самодельных хлопушек отбирали лишь целые.

Хэй Тайян обладал удивительным талантом к подражанию: стоило ему хоть разок взглянуть на игрушку ребят из другой деревни, как он тут же мог повторить ее дома, не говоря уже о том, что Хуан Тянь объяснил все до мельчайших деталей.

Вернувшись в деревню, ребятня дружно принялась мастерить хлопушки вслед за Хэй Тайяном. Вооружившись ножовками, они выпиливали в нижней части гильзы небольшой пропил для капсюля, а в верхней проделывали две дырочки, чтобы продеть веревочку. Хлопушки были готовы в мгновение ока. Закрепив внутри капсюль и привязав шнурок, они швыряли хлопушку в стену или в небо: при ударе о твердую поверхность капсюль внутри гильзы взрывался, выпуская наружу облачко сизого дыма. С этими хлопушками было безумно весело играть, особенно по вечерам. Вспышки от взрывов слепили глаза, напоминая раскаты грома и молнии.

Ба Шань изнемогал от зависти, слушая, как по всей деревне то тут, то там грохочут хлопушки. На беду, у него не оказалось ни одной гильзы, и он метался из угла в угол, едва не сходя с ума от отчаяния. Внезапно его озарила догадка, и он едва не подпрыгнул от радости: вспомнив, что позавчера раздобыл пулеметный патрон, он решил, что сейчас тот придется как нельзя кстати. Достав патрон, он подергал пулю — сидела на совесть — и, усевшись на корточки прямо на земле, принялся колотить по ней молотком. Кто бы мог подумать, что раздастся оглушительный бабах и патрон сдетонирует! Взрывом ему разнесло в клочья левую руку, в которой он зажимал боеприпас, и от жгучей боли он потерял сознание прямо на месте. Подоспевшие взрослые отвезли его в больницу, но поскольку левая кисть превратилась в сплошное кровавое месиво и пришить ее было невозможно, врачам пришлось ампутировать руку по самый запястный сустав, лишь бы побыстрее остановить кровь. Жизнь пареньку спасли, но увечье осталось на всю жизнь.

Вернемся же к курьезному случаю с поездкой Гэ Эр. Грузовик, доверху набитый известью, с грехом пополам преодолел разбитую дорогу и выехал на асфальт. Водитель Цзи Юаньчан воткнул повышенную передачу, и машина быстро покатила в город, направляясь напрямик на стройплощадку. Сяо Цзи совершенно позабыл о подобранном по дороге пассажире, резко вдавил по тормозам и свалил известь вниз. Сидя в кабине и шаря по карманам в поисках сигареты, он случайно нащупал монетку в один юань и тут же вспомнил, что в кузове сидел старик. Ошеломленный водитель мигом выпрыгнул из кабины, чтобы спасти бедолагу.

Гэ Эр, заметив, что машина остановилась, приподнялся и сделал пару шагов назад, собираясь слезать, как вдруг кузов начал опрокидываться, поднимая густые клубы белой пыли. Испугавшись за глаза, он торопливо заслонился рукавом и позволил своему телу скатиться вниз вместе с потоком извести. Видя поднимающуюся белую завесу, Сяо Цзи не смел приблизиться. Тем временем Гэ Эр, зажав глаза одним рукавом и раскидывая другой рукой засыпавшие его комья извести, после долгих усилий выкарабкался наружу.

Когда пыль улеглась, Гэ Эр заметил стоявшего вдали водителя и с крайне смущенным видом направился к нему. Сяо Цзи тоже бросился навстречу. Увидев его жалкий, покрытый белой известью вид, он уже собрался было извиниться, но Гэ Эр заговорил первым.

— Товарищ водитель, тысяча извинений! — донеслось до слуха Сяо Цзи. — Я тут ненароком твою машину перевернул!

Услышав такое, Сяо Цзи одновременно хотел рассмеяться и изо всех сил сдерживался. Не зная, как все объяснить, он пробормотал:

— Ничего страшного, старый товарищ. Мне тут еще ехать надо по делам, бывай!

Гэ Эр отряхнул с одежды белую пыль и, выйдя на улицу, напрямик направился в уездный комитет на встречу с секретарем Цюй.

В народе секретаря Цюй за глаза звали не иначе как слепой Цюй. Слепым он, конечно, не был, однако зрение у него было из рук вон плохое: изучая документы, он подносил их к самым глазам, точь-в-точь как уездный судья Тан Чэн из старинных историй — то ли утирая бумагой слезы, то ли вытирая сопли, а то и вовсе вгрызаясь в каждую букву.

Из-за своего слабого зрения он не раз попадал в неловкие ситуации. В те времена, когда он еще занимал пост секретаря в коммуне, он как-то раз отправился проверять дела на селе верхом на своем Черном ослике, как вдруг заметил посреди дороги старика Жэнь, который собирал конский навоз. Секретарь принялся истошно вопить:

— Стойте, не двигайтесь!

Но, несмотря на крики, с криками эй-эй-эй все же налетел на него. Старик Жэнь не растерялся: бросив корзину и бамбуковые щипцы, он комично подпрыгнул и оседлал переднее крыло велосипеда, после чего двухколесный конь вместе с ними обоими с шумом и треском свалился в придорожную канаву. Выбравшись наружу, Жэнь принялся отчитывать обидчика:

— Сам же кричал не двигаться, а оказалось, ты прицеливался!

— Прости ради бога! И в мыслях не было. Не ушибся нигде?

— Сдрал кожу чуток, пустяки! Я уж испугался, что ты с меня плату за проезд потребуешь!

— Ни в коем случае!

Не поспоришь — не подружись; воспользовавшись этим поводом, старик Жэнь пригласил секретаря Цюй к себе домой попить чаю. С тех пор секретарь и познакомился с семьей Жэнь. Желая хоть как-то искупить вину, а в коммуне как раз не хватало рабочих рук, он устроил Мяньтао секретарем в аппарат коммуны.

В другой раз секретарь Цюй, подъехав на велосипеде к началу деревни Люгоу и желая спросить дорогу, смутно разглядел у края гумна присевшего на корточки старика в черной шляпе. Подумав про себя, что колоть дрова надо с тонкого конца, а дорогу спрашивать у стариков, и раз уж тут подвернулся пожилой человек, он громко осведомился:

— Уважаемый, не подскажите, что это за деревня?

Подождав немного и не дождавшись ответа, он повторил громче:

— Земляк, скажите, это седьмая бригада Баохэ?

Снова ни звука в ответ. Он и ведать не ведал, что на самом деле перед ним обыкновенный каменный каток, на котором примостилась ворона. Общий серовато-бурый колорит действительно делал его похожим на согбенного старца, а если учесть слабое зрение секретаря Цюй, неудивительно, что он заблуждался.

Громкие крики секретаря спугнули ворону. Посмеявшись про себя, он подумал: ну надо же, встретился мне сегодня дурачок! Дорогу не подсказал, а шляпу сорвало ветром — и даже словечком не обмолвился! Опасаясь ввязываться в долгие споры с дураком, он решил, что лучше убраться отсюда по добру по здорову. Снова вскочив в седло, он вихрем влетел в деревню, но тут ему помешал мелькнувший впереди темный силуэт. Он судорожно затормозил, но было поздно — с криком эй-эй-эй он вновь налетел на препятствие. Торопливо поднимаясь на ноги, он даже не стал поднимать валявшийся рядом велосипед, у которого все еще бешено гудело заднее колесо, а принялся отвешивать поклоны направо и налево, наперебой извиняясь. Тут подоспел Гэ Шумэми и с улыбкой подсказал:

— Секретарь Цюй, человек-то уже встал, подойдите лучше помогите отряхнуться да проверьте, не ушибся ли кто. Только смотрите не лапайте где попало, это вообще-то женщина!

Протянув руку и нащупав сухую сморщенную кору, секретарь Цюй сообразил, что возраст у этой дамы никак не меньше пары сотен лет. Оказалось, что он врезался в старый вяз, и он сам не смог удержаться от хохота. Старик Гэ поднял его велосипед, повел впереди, указывая дорогу, и пригласил к себе домой попить чаю. Когда секретарь рассказал о недавнем курьезе с расспросами дороги, Гэ Эр заметил:

— Нет у нас в деревне никаких дураков, дурак тут только ты! То был каменный каток, а шляпа, которую унесло ветром, наверняка сорока, что прилетела встречать дорогих гостей у околицы!

Пошутив всласть, они немного поболтали о сельском хозяйстве и в завершение разыграли две партии в шахматы.

История о страсти секретаря Цюй к табаку была известна на весь уезд. В один из дней секретарь сидел в своем кабинете за бумагами и по привычке полез в карман за пачкой сигарет, но нащупал лишь пустоту, отчего тяжело вздохнул. Это не укрылось от глаз Жэнь Мяньтао: зная, что зарплату еще не выдали и на покупку сигарет у него нет денег, она сбежала на кухню к повару дяде Чжао, одолжила у него одну папиросу и принесла секретарю. При виде заветного дымка секретарь Цюй расплылся в улыбке, словно повстречал собственную заблудшую душу. Жадно схватив папиросу, он торопливо чиркнул спичкой, но в самый последний момент замер — спичка догорела до пальцев и погасла сама собой. Меняясь в лице, он строго спросил:

— Где взяла?

Мяньтао испуганно ответила:

— У дяди Чжао одолжила.

— Дядя Чжао сам заядлый курильщик, он готов последней пулей пожертвовать ради общего блага, как ты могла у него брать! Ступай верни!

Заметив его грозный вид, Мяньтао не посмела послушаться. С огорченным видом протянув руку и забрав папиросу, она уже собиралась уходить, как секретарь вдруг окликнул ее:

— Постой-постой! Раз уж принесла, дай хоть по запаху соскучиться!

Мрачное выражение лица сменилось довольной улыбкой: он жадно притянул папиросу и принялся водить ею взад-вперед под носом, вдыхая аромат и водя из стороны в сторону, словно играя на губной гармошке. Это продолжалось добрую песню целиком, то есть минуты четыре-пять. Натешившись вволю, он наконец отпустил руку и с восторгом протянул:

— До чего же хороша! Никогда еще не видывал такого ароматного табака, видать, дядя Чжао толк в удовольствиях понимает куда лучше меня!

То ли секретарь утомился от работы, то ли подвело слабое зрение — Мяньтао протянула ему папиросу обеими руками, но он не взял ее, а вместо этого перехватил ее зажатый в изящном жесте мизинец, подтянул к самому лицу и принялся внюхиваться так глубоко и нежно, словно мать, разыскивавшая пропавшего много лет назад ребенка. От такого обращения Мяньтао залилась краской до самых ушей, но, не зная, как выразить возмущение, лишь закрыла лицо свободной рукой, отдавшись на волю его причудам.

Проводив Мяньтао взглядом до выхода, секретарь Цюй на цыпочках выскользнул следом в конференц-зал, набрал там окурков и, укрывшись в своем кабинете, скрутил две самокрутки-трубочки, наконец-то отведав настоящего, терпкого и обжигающего дыма.

Наука утверждает, что материя подвижна и изменчива, но энергия неизменна. Вещи не исчезают бесследно в этом мире, а лишь незаметно меняют свое положение, что и помогло внимательной Мяньтао во время уборки сделать свое маленькое открытие, о котором она шепнула кому следует.

<http://bllate.org/book/22008/2287960>